

НАША СТРАНА

Год издания—45-ый. Буэнос Айрес, суббота 21 ноября 1992 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 21 de noviembre de 1992 N° 2207

Борис Глебов

КОРЕННОЙ ВОПРОС

Анализируя политическое положение в мире и в нашей стране, необходимо не упускать из виду, что, несмотря на замораживание перестройки в России, в международных масштабах она продолжает развиваться дальше.

При этом, не надо думать, что международная перестройка была вызвана "нашей", якобы доморощенной, перестройкой. Конечно, перестройка в нашей стране **позволила наконец развязать** давно уже намечавшуюся перестройку международную. Но, в свою очередь, она сама была в значительной мере последствием внешней индукции. Внешняя индукция в данном случае удалась, потому что эволюция внутренних обстоятельств в нашей стране к этому моменту уже стала максимально благоприятной для этого. Таким образом, перестройка была скрещением двух кривых: внешней индукции и внутреннего коллапса системы.

Первая цель перестройки в нашей стране совпала с первой целью международной перестройки: **ликвидации ялтинского мирового порядка в Восточной Европе**. Эта начальная конвергенция двух перестроек была полностью достигнута на Мальте в конце 1989 года, что и было сразу запечатлено словами Буша: **"Мы находимся на пороге новой эры"**, для которой необходимы новые "универсальные идеи" и "новые фундаментальные ценности". В свою очередь, представитель МИД-а СССР, Г. И. Герасимов, дал тогда меткое название этой двойной (глобальной) перестройке: **"От Ялты до Мальты"**. (См. "Нашу Страну" номер 2062, от 10 февраля 1990 года).

По отношению к этой первой цели глобальной перестройки была достигнута действительно максимальная конвергенция, как между двумя режимами бывшего "биполярного мира", так и в рамках каждого из них.

На Западе, в этой конвергенции слились его две главные силы, исторически до этого в основном враждовавшие: римо-католичество и протестантизм. (Конечно, компоненты Запада сегодня выходят далеко за рамки этих двух сил, да и в обеих этих силах сегодня так или иначе присутствуют объединяющие их одни и те же факторы). Даже имелись предположения, что такая конвергенция на Западе давно уже готовилась, по крайней мере еще со времен выбора папы Иоанна Павла Второго. Тогдашний архиепископ краковский несомненно принадлежал к умеренно-консервативному направлению в римо-католической Церкви, вплоть до того, что у него имелись тесные связи с консервативным орденом "Опус Деи". (Его предшественник папа Иоанн Павел Первый, неожиданно умерший приблизительно через месяц после интронизации, по видимому прямо принадлежал к этому ордену). Однако, несмотря на это, **польский архиепископ был выбран также и голосами либеральных кардиналов**. После этого, вероятно, главным

связным стал Збигнев Бжезинский, еще в 1965 году опубликовавший предначертания о **"поглощении восточной Европы и России увеличенным европейским сообществом"**, затем бывший руководителем Совета Безопасности США при президенте Картере, а сегодня являющийся влиятельным советником папы Иоанна Павла Второго. Как бы то ни было, в последствии сам Горбачев неоднократно подтверждал важную роль папы Иоанна Павла в процессах связанных с перестройкой.

В СССР, по отношению к этому вопросу (положению стран восточной Европы), тогда тоже несомненно было достигнуто какое-то согласие в рамках режима, ввиду неумолимо надвигающегося коллапса. Конечно, при условии сохранения самого режима (хотя бы на ленинском уровне) и власти гвардейского режима.

Однако, уже после того, как этот первый этап перестройки был достигнут, и когда коллапс соцсистемы в России приблизился уже совсем вплотную, вдруг выяснилось, что **за первым этапом глобальной перестройки неразрывно следует и второй, более эпохальный**. Некоторые главы режима в нашей стране такой альтернативы вначале возможно и не разглядели. Однако, при внимательном анализе мальтийских слов Буша, что с возвратом восточной Германии, Польши и других восточно-европейских стран в "европейское сообщество" начинается "новая эра" — это было ясно. Ведь сам по себе **возврат еще не является чем-то новым**, а лишь реставрацией совсем недавнего прошлого. Говоря о новом, Буш имел ввиду конечно не только такую реставрацию, а также и что-то действительно новое. Лишь когда это новое уже свершилось, Киссингер его полностью расшифровал: новое заключалось не только в падении тоталитарного коммунистического строя в России, а также и в **ликвидации геополитического и экономического пространства, созданного исторической Россией**. Созданного начиная с великого князя Иоанна Третьего, пояснил Киссингер. (То есть начиная с окончательного преодоления татарского ига и удельного строя). Другими словами, это **новое** заключалось в отбрасывании нашей страны на пять веков назад, к ее еще **удельному** периоду, когда Россия вследствие татарского ига была расщеплена на части, а вся ее юго-западная часть была оккупирована Польшей.

Этот второй этап глобальной перестройки был ее самой главной, центральной частью. Запад ее лелеял очень давно, возможно, что начиная еще со времен так называемых "крестовых" походов, после раскола в 1054 году. Во всяком случае, именно это утверждал римо-католический архиепископ Парижа Мария-Доминик-Огюст Сибур в своем окружном послании во время крымской войны в середине прошлого века: **"Истинная причина этой войны, причина святая, причина**

угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить ее; такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом". (Цитируется по брошюре Алексея Хомякова "Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях". "Избранные сочинения". Изд. им. Чехова. Стр. 275.) (Между прочим, во время Второй мировой войны один хорватский римо-католический сановник в Риме тоже говорил о необходимости "отогнать Византию" на Балканах на восток. (См.: Vladimir Dedijer. Jasenovac - das jugoslawische Auschwitz und der Vatikan. Ahriman-Verlag, Freiburg 1988). Первый такой "крестовый" поход против России состоялся уже в 1242 году, который тогда окончился блестящей победой святого Александра Невского на Чудском озере над орденом "меченосцев". (Между прочим, этот орден был организован в согласии с уставом ордена тамплиеров, что наводит на мысль о уже тогда намечающихся "конвергенциях" по отношению к нашей стране). Правда, в 1582 году иезуитский дипломат Антоний Поссевин пытался лично убедить Иоанна Грозного в выгоде "совокупления Греческой Церкви вместе с Римскою Церковью". Папский посол обещал русскому царю, что, в таком случае, он **"не токмо будет на прародительской вотчине на Киве, но и в царствующем граде (в Константинополе) государем. А папа и кесарь и все государи великие о том будут стараться"**. На что царь Иван Васильевич отвечал: "Ты, Антоний, о том перестани". В результате этой своей неудачи, Поссевин рекомендовал 5 ноября 1582 года папе Григорию Седьмому **"присоединение к католической Церкви епископов или владык королевской оной России"**. ("Королевской оной Россией" папский легат называл ту часть сегодняшней Украины, вместе с Киевом, которая тогда была под властью польского короля). (К. Н. Николаев. Восточный обряд. Имкапресс, Париж, 1950. Стр. 86). Через четыреста девять лет после Антония Поссевина, осенью 1991 года, в Киев полетел другой папский советник, Збигнев Бжезинский. Как он сам пишет, для того, чтобы **"анализировать вместе с политическими руководителями Украины формулу создания лиги независимых государств"** на территории нашей страны. (См. "Нашу Страну" номер 2159, от 21 декабря 1991 года). Результаты этих "анализов" сегодня на лицо. Они и были целью второго этапа глобальной перестройки в мире.

Теперь наступает очередь третьего, окончательного, этапа планетарной перестройки, который должен окончательно **закрепить** результаты второго этапа.

Однако, если необходимость "отгона, укрощения и сокрушения" **православной России** была совершенно

ясной (хотя и тщательно скрываемой) **общей целью**, то дальнейшая перестройка мира без России уже не является такой ясной и отнюдь не такой общей целью.

Мир без России (как великой державы) уже не будет возглавляться пропагандировавшейся до поры до времени Киссингером "пентархией" ("пятивластием"). Поэтому так легко и быстро было предоставлено ущербленной "России" постоянное место в Совете Безопасности Объединенных Наций (на месте бывшего СССР). (Это вторая перемена в рамках формальной "пентархии" этого планетарного Совета: первая состоялась, когда при Никсоне и Киссингере национальный Китай был оттуда изгнан и заменен Китаем коммунистическим). На место пентархии, некоторые круги в США стремились создать новый мировой порядок с одним единственным имперским центром. Именно в этом вопросе и наметились первые фундаментальные расхождения между строителями нового мирового порядка, на основании того, что в действительности относительное значение в нем США не соответствует таким претензиям.

В сегодняшней действительности наблюдается кристаллизация трех мировых имперских регионов: Западной Европы, США и Японии. Эта действительность становится очевидной в свете разгорающейся сегодня коммерческой войны между Европейским Союзом и США, главным образом в связи с государственными субсидиями земледелию в Западной Европе (что вредит конкурентоспособности земледелия в США). А до этого, подобные коммерческие конфликты происходили и между США и Японией. Кроме того, такая дифференциация трех планетарных регионов подтверждается и усиленными стремлениями к их географической консолидации, как в регионе США, так и в регионе Японии. (В первом случае, созданием коммерческого блока между США, Канадой и Мексикой, во втором случае стремлением к фактическому созданию подобного блока на Дальнем Востоке, теперь даже с попытками привлечения к нему коммунистического Китая).

Тройственная структура нового мирового порядка сама по себе вызывает также расхождения и в вопросе о иерархии и рангах в рамках такой структуры. Японский политик Шинтаро Ишихара считает даже, что в будущем веке на самом деле новый мировой порядок будет возглавляться **"группой двух стран"**, из которых **одна будет первой**. (Ишихара пишет, что это **"не будут США"**).

Конечно, **окончательная форма** мирового порядка в 21-ом веке будет зависеть также и от того, будет ли принимать в нем какое-то участие и Россия, или же она будет **окончательно выведена из макроистории**.

Этот **коренной вопрос** все еще решается, в том числе и в самой России.

Борис Глебов

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

СИМПАТИЯ К ПАЛАЧУ

Номер «Русской Мысли» от 11 сентября открывается переводницей редактора, начинающей такими словами: «Фотографии Тодора Живкова, выслушивающего с опущенной головой приговор суда — 7 лет тюремного заключения — могут вызвать, мне кажется, только грусть. Один старый человек, отвечающий за коллективные преступления, пробуждает в сознании образ козла отпущения». Следуют затем горькие суждения по поводу «неадекватности обвинения». Хотя мол, все же: «Злоупотребление властью ради денежных махинаций и собственного материального обогащения — конечно серьезное преступление»...

Утрите слезы, г-жа Иловайская! Если бы на скамье подсудимых сидел Сталин, — неужели Вы бы и его жалели? А для болгар Живков — не лучше Сталина.

Оставим на миг его внутреннюю политику, достаточно свирепую. Взглянем только на внешнюю. При нем, — бесспорно, с его ведома и разрешения, — подчиненные ему чекисты убили в Лондоне при

помощи болгарского зонтика писателя Т. Маркова, а немного позже, в Париже, — молодого и талантливого журналиста К. Пеева (французские власти скандал замяли, как обычно, когда в деле оказываются замешаны иностранные державы, — СССР, Персия и т. п.).

Мало того, те же руки подстроили, в Риме, покушение на папу, духовного главу всего католического мира, который и был тяжело ранен.

За любое из этих предприятий, а уж тем паче за их совокупность, — какое наказание подобало бы применить? Будь вина Живкова формулирована на процессе, прокурор не мог бы не потребовать для него смертной казни, и трибунал не смог бы в этом требовании отказать. Но, с поразительной гуманностью (в чем ее корни, не будем пытаться тут разбирать), в упрек падшему тирану поставили одни лишь материальные хищения. Что и позволило вынести ему до предела мягкий приговор.

Чем же Вы еще недовольны, г-жа Иловайская? И чего бы Вы желали? Полного оправдания кровавого софийского деспота?

Поистине, от подобного неправоудия земля и небо бы содрогнулись!

Но Вы приводите в пример Соединенные Штаты, — кумир Вашей газеты, — в качестве подлинно правового государства. Там, в них, гангстеров судят не за убийство и воровство, а только за неуплату налогов с противозаконных доходов. Действительно, «в какой-то степени издевательство над правосудием». В очень даже небольшой степени!

Спрашиваешь себя: а если бы сии бандиты честно вносили налоги за деньги, полученные в результате ограбления банка, торговли наркотиками, возвращения похищенного у миллионера ребенка и другие сходные операции? Тогда бы к ним и придраться нельзя было. Жаль, что они из жадности скупятся поделиться прибылью со своим снисходительным и здравомысленным государством!

Только уж, ради Бога, не настаивайте, чтобы мы у себя на родине ввели аналогичные нравы и принципы! Оставим их передовой и прогрессивной Северной Америке! Как говорится: куда нам, дуракам, чай пить...

Елизавета Веденева

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Государственный долг США превышает четыре миллиарда долларов. (Четыре тысячи миллиардов долларов), что соответствует почти 70-и процентам валового внутреннего продукта (ВВП) США, который оценивается в 5,8 миллиардов долларов. Получается, что США не смогли бы войти в состав Европейского Союза, так как соглашение в Маастрихте предвидит, чтобы государственный долг стран участниц не превышал 60-и процентов их ВВП. Кроме того, этот долг растет ежегодно в США приблизительно на 400 миллиардов долларов, то есть на 10 процентов, если сложить дефицит госбюджета и дефициты децентрализованных органов, обеспечиваемые казначейством США (в том числе и убытки сберегательных касс и банков, финансирующих гражданское строительство). Этот рост государственного долга США на 10 процентов в год увеличивает также и пропорцию задолженности по отношению к ВВП. 10 процентов от 70-и равняется 7-и процентам, из которых надо вычесть рост ВВП, приблизительно от 2 до 3 процентов в год. Получается увеличение этой пропорции на 4 или 5 процентов в год. Однако, в Европейском Союзе сумма государственных дефицитов сегодня даже превышает дефицит США.

Выступая на прошлой неделе перед английским парламентом, Ельцин заявил, что в «Российской Федерации» существуют «силы, заинтересованные в проведении реваншистского путча», с целью свержения его правительства. Эти силы, в состав которых входят коммунисты и националисты, находятся в оппозиции к его политическим и экономическим реформам. Ельцин подчеркнул, что «в случае необходимости», он «воспользуется полномочиями, полученными от народа». Эти «полномочия» он даже ставит выше «конституции». Однако, некоторые политические наблюдатели на Западе считают, что в действительности Ельцин сам подготавливает свой собственный «самопутч», возможно, что в связи с сессией «Конгресса народных депутатов», начинающейся 1 декабря. Это не первый раз, что Ельцин выступает за границу против внутренней оппозиции, что в западных демократиях не принято, по этическим соображениям. Не так давно, он заявил на Западе, что он «уже чувствует краснокоричневое дыхание на своем затылке». Какое дыхание (или перегар?) чувствует на своем затылке наш народ, он не сказал.

Наш народ продолжает испытывать голод, главным образом из-за того, что проводимые «реформы» проводятся именно таким образом, чтобы в нашей стране был голод. Председатель «Экспортхлеба» (который нужно было бы переименовать в «Импотхлеба», так как после крушения царской власти Россия перестала вывозить хлеб за границу) Олег Климов на днях заявил, что Россия («самый крупный импортер зерна в мире») в этом году должна закупить около 20 миллионов тонн зерновых, но, как он подчеркнул, «в долг», так как «у правительства нет наличных денег». Таким образом, благодаря «реформам», не допускающим частную собственность земледельцев на землю, достигается, кроме голода, увеличение внешнего долга нашей страны. Может быть, что для погашения этого долга придется продавать иностранцам нашу землю?

П. Н.

ПЕЧАТЬ

ВО ФРАНЦИИ

По поводу проектов объединения Европы, в качестве первых шагов к установлению мондиализма на земном шаре, любопытно отметить, что претендент на французский трон, граф Парижский, а равно и его сын, граф Клермонский, выступили с энергичными протестами против маастрихтского договора. Такие же протесты выразил, со своей стороны, и претендент на трон Португалии, герцог Браганцкий, дон Дуарте. Можно понять, что монархам, хотя бы и отстраненным от власти, судьбы их стран, да и человечества в целом, внушают вполне законные опасения!

Курьезным образом, однако, глава бонапартистов, принц Шарль Наполеон, высказался за объединение; в чем он совпал во мнениях с эрцгерцогом Отто Габсбургским.

В парижской газете «Котидьен» от 28 сентября, автор книги «Сломленные династии», Гонзаг Сен Бри, в интервью, развивает мысль, что европейские монархии, где сохранились, являются значительно лучшими гарантиями человеческих прав и подлинной демократии, чем республики, в частности республики на Востоке. Он считает также, что установление монархического строя явилось бы наилучшим выходом для государств, освобождающихся сейчас от коммунистического ига.

TEMPORA MUTANTUR

В «Литературном Обозрении» № 5-6 от с. г., Ю. Иванов, посвящая большую статью, «Прощедший все ступени», творчеству эмигрантского поэта А. Несмелова (захваченного большевиками на Дальнем Востоке и умершего в тюрьме), с похвалой говорит о нем:

«Очевидно, что главный урок судьбы Арсения Несмелова, в отличие от других русских поэтов-эмигрантов, состоит в следующем: перед нами литератор с удивительно цельной линией жизни и творческого поведения, в полном смысле «не убежавший от борьбы», сохранивший верность идеалам своей молодости, кои он в годы Гражданской войны отстаивал с оружием в руках».

Еще совсем недавно подобные похвалы белогвардейцу были в советской печати невозможны, более того — невообразимы!

Правда, дальше Иванов разбавляет их рассуждениями, — верными или неверными, — о том, что Несмелов де в какой-то степени понимал и принимал будто бы революцию. Но они уже несущественны, мало что меняя в общем тоне статьи.

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ

Грустно читать в том же номере, под пером И. Васильева, пламенное воспевание Г. Адамовича, человека с извращенными вкусами, как в жизни, так и в литературе, наделавший в присвоенной им себе роли великого критика, много непоправимого вреда эмигрантским поэтам и

писателям (а через них, — и читателям).

Особенно поражает, что Васильев не только целиком оправдывает, но и энергично одобряет травлю Цветаевой, учиненную этим его кумиром, и бесспорно немало содействовавшую ее гибели...

ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Номер 6-7 московского журнала «Родина» от с. г. целиком посвящен Отечественной войне (настоящей, а не псевдоотечественной между Гитлером и Сталиным!) и содержит много интересных материалов. Например, о работе русского и французского шпионажа, до и после начала военных действий; о ходе бородинского сражения, расчисленного тут по часам и минутам; о сожжении Москвы (приписываемом тут не случайности, а продуманной акции графа Ростопчина).

Любопытно, что из современных данных выясняется, что план кампании, блестяще осуществленный сперва Барклаем, а затем Кутузовым, принадлежал... самому царю Александру Первому! О котором, впрочем, тут же помещена весьма несправедливая статья Н. Ульянова, — притом, написанная в эмиграции!

Всякому, кто интересуется тогдашними событиями, да и вообще русской историей, и в частности военной, прочесть этот выпуск будет, без сомнения, небезынтересно.

В. Р.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ В США

Адрес представительницы в США, Наталья Николаевна Ткачевой, следующий: Mrs. N. Tkachov, 1200, 18-th Ave. # 203, San Francisco CA, 94122, USA. Номер ее телефона: (415) 665-5234.

Для пересылки в Россию, остронуждающемуся, хочу купить книгу Л. Тихомирова «Монархическая Государственность». Желающих продать, прошу обратиться в редакцию «Нашей Страны».

Д. Штурман

О КНИГЕ В. РУДИНСКОГО «СТРАШНЫЙ ПАРИЖ»

Редактор журнала, в котором я начинала печататься и много лет печаталась, со временем стал все чаще требовать от меня переработки статей на том основании, что я не выдерживаю требований жанра. То ли статья, то ли очерк, то ли эссе, то ли мемуары... Робя перед редакторским авторитетом и трепеща от страха потерять неожиданное (на 55-м году жизни!) счастье печататься, я старательно перерабатывала статьи, усиливая их жанровую определенность. Потом надоело, тем более, что читатели и другие редакторы этого не требовали.

«Страшный Париж» Владимира Рудинского, частично опубликованный в периодике и прочитанный кое-кем из редакторов в рукописи, вызвал у некоторых профессионалов тот же упрек: отсутствие жанровых канонов, их смешение. С этим соседствовало несовместимое, казалось бы, с предыдущим обвинение в подражательности. Кому — если автор игнорирует законы жанров, а значит, и предшествующую традицию? Может, более ранним взрывателям рамок жанра? И какого жанра? Роман в новеллах — это лишь самая общая характеристика, и притом условная: кто сегодня знает, что такое вообще роман?

Начну с того, что «Страшный Париж» интересен. Независимо от мнения упомянутых выше критиков, сотрудники издательства, взявшегося его опубликовать, читали его наперебой — и в машинописи, и в гранках. А в наши дни беллетристика интересная — это редкость. Теперь о жанре. Определенность такого сама по себе вообще не является ни достоинством, ни недостатком. Вопреки тривиальному утверждению, что выдающиеся произведения никогда в рамки канонических жанров не укладываются, есть гениальные сочинения, строжайше отвечающие канонам, а есть и ломающие последние, и создающие новые.

Я полагаю, что цикл новелл, объединенных общими героями, названный автором «Страшный Париж», имеет частичные жанровые прецеденты, но не имеет прецедента в этом смысле полного. Кроме сюжетной увлекательности цикла в целом (в нем есть более и менее увлекательные новеллы), он интересен и своими мыслями и обобщениями, не всегда однозначными и поддающимися легкому определению; и своей мемуарной основой, детали которой вполне реалистичны, несмотря на оккультные приключения лирического героя, и многим другим. Я бы сказала, что при первом чтении, как во всяком детективе, да еще фантастическом или мистическом (как на чей взгляд), читателя более занимает сюжет новелл, чем мировоззренческая основа все-

го цикла, его философия. При повторном же чтении, особенно — через некоторое время, более существенной становится для внимательного читателя глубинная основа чувств, размышлений и нравственно-философской позиции автора, выступающего в лице двух героев: лирического (рассказчика) и его друга, полицейского детектива бретонца Ле Генна.

В. Рудинский возникает в «Страшном Париже» с мало известной современному читателю зарубежной русской периодики стороны. Представитель второй, 1940-х годов, волны эмиграции (автор называет ее «новой эмиграцией», в отличие от первой, послереволюционной), монархист по убеждениям, потомственный русский интеллигент из кругов интеллектуально-художественных, В. Рудинский — по образованию и специальности — лингвист, полиглот, владеющий многими языками, при этом и экзотическими, не только на разговорном, но и на глубинном научном уровне. Кроме того, он этнограф, знакомый с верованиями, обычаями, философией, магическими представлениями многих уникальных культур. За его плечами Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) университет и Парижская школа восточных языков.

О лингво-этнографической эрудиции автора я сужу не столько по соответствующей стороне его новелл, сколько по многолетней с ним переписке, по его научным изысканиям и статьям. Именно это знакомство с уровнем познаний и научным потенциалом Рудинского-лингвиста и внушает мне доверие к этнографической стороне новелл, к его культурологическим концепциям.

В жизни каждого из нас сложно переплетаются многие причины нашего внешнего успеха и неуспеха. «Страшный Париж» подтвердил (косвенно) мою догадку о том, что Рудинский-лингвист, при его уникальных знаниях и далеко не полностью опубликованных научных трудах, не сделал официальной научной карьеры на Западе, куда он попал достаточно молодым, лишь потому, что гражданский патриотический долг, как он его понимал (борьба против коммунизма, защита монархической идеи), отвлек его от направленной на карьеру научной работы и превалировал надо всем прочим. В новеллах просматриваются еще и драматические личные обстоятельства (при серьезном и глубоком отношении лирического героя к любви и налагаемому ею рыцарственному долгу). Сквозь весь цикл проходит взаимное противостояние inferнального Зла и мирового Добра. Противоборство между ними разворачивается как внутри человеческой души, так и вокруг нее. С одной стороны — за власть над ней и ее погубление (Зло), а с

другой стороны — за ее устояние и спасение (Добро). Inferнальное Зло персонифицируется автором в самых разнообразных проявлениях черной магии, колдовства, в деятельности оккультных сект, учений, сливающихся издревле в некий интернационал служителей и рабов дьявола. Добро — как защита, прибежище и спасение человека — воплощается в высшем и конечном смысле в Боге, в христианстве, в Кресте. Это четко осознают оба «сквозных» героя новелл: рассказчик и следователь.

Но «Страшный Париж» (с его впечатляющим мистическим реализмом коллизий — реализмом в изображении сверхъестественного) лишен однозначной и прямолинейной менторской назидательности и дидактичности. Борьба, о которой сказано выше, изредка проглядывает даже в душах обоих героев: то в виде крайне рискованного любопытства, тяги заглянуть в Бездну, соприсношение с которой христианам заказано; то в форме мстительного порыва. Между тем, в злорадстве над поверженным Злом тоже есть (в толковании высшего Добра) нечто несовершенное. Рассказчик не приукрашивает и не скрывает эти двусмысленные моменты. Он словно бы обозначает опасность, от которых никто не застрахован раз навсегда. Да и сама ситуация противоречива, антиномична: не заглядывать в Бездну, но быть бдительным к ее исходам; не прибегать к магии, но иногда нет иного спасения, кроме контрмагии (то есть «белой магии» и не только универсальной самозащиты Крестом и молитвой, но и, так сказать, специальных магических контрприемов); не соприскасаться со Злом, но активно сражаться с ним — как же сражаться, не соприскасаясь? Исчерпывающего раз навсегда ответа на эти вопросы нет.

Язык новелл кое-где, может быть, надо было, на школьный вкус, избавить от разговорных погрешностей против дистиллированной грамматики. Но мне представляется, что этого делать не следовало: разговорная непринужденность мемуарного жанра, свойственная диалогам и монологам героев, создает особую достоверность повествования. Для произведения с мистико-фантастическими сюжетами это особенно важно. Каждый читатель прочитает эту книгу по-разному и ответит на ее вопросы по-своему. Но мне представляется, что «Страшный Париж» найдет своего читателя и среди тех, кто захочет просто отвлечься от повседневности и погрузиться на время в жизнь, богатую приключениями и неожиданностями, и среди тех, кто склонен серьезно задумываться над жизнью, над ее глубинными основами.

Д. Штурман

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Уважаемый отец Сергей!

После страшного запрета на религию на нашей родине, мы поздно или рано возвратимся в лоно святой Церкви, к Иисусу Христу и Его учению.

Благодарю лично Вас и всех христиан, проявивших заботу о моем экипаже, оказавшемся в затруднительном положении.

Регулярно получаю газету «Наша Страна» и убедительно прошу издателя г-на М. В. Киреева опубликовать мою благодарность.

С глубоким уважением капитан БМРТ-243 (ЛТАР-1).

И. Некипелов (Аргентина)

Письмо адресовано настоятелю Св. Покровской церкви в буэнос-айресском пригороде Темперлее, протоиерею Сергию Иванову. (Ред.)

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Благодарю «Нашу Страну» (№ 2191) за лестный отзыв о «Церковных Новостях».

Однако, несмотря на это, я убедительно прошу Вас поместить в очередном номере газеты опровержение догадке о том, что будто бы по «почерку» можно определить, что редактируется этот «независимый орган церковно-православной мысли епископом Григорием (Граббе)».

Владыка Григорий имеет такое же отношение к редактированию «Церковных Новостей», как мог бы его иметь, скажем, П. Н. Колтыпин к «Нашей Стране». Никогда и ни одного номера Владыка Григорий не только не редактировал, но и видит это издание только тогда, когда получает его по почте или с оказией.

Конечно, то что, «почерк» оказывается похожим на его собственный, для меня не укор, а только лестная похвала. Это есть показатель того, что будучи его старшей дочерью и секретарем в течение 47-и лет, я кое-что усвоила из его идеологии. Впрочем, никак не стиль писать.

Повторяю: Владыка Григорий никакого участия в редактировании и даже подборе материала не имеет. Он такой же читатель, как и все другие читатели «Церковных Новостей».

Ваше издание я читаю с интересом и большим сочувствием. Прочитанные номера я также стараюсь при первой возможности переправить в Россию.

А. Г. Шатилова (США)

ПЕРВЫЙ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИЙ СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ В САН ПАУЛО (БРАЗИЛИЯ), 24 ПО 31 ЯНВАРЯ 1993 ГОДА

Rev. George Petrenko —
R. Paratinguara, 151.
Villa Alpina, São Paulo-
SP, Brazil. Tel.:
(55-11) 917-1932.
Telefax: (55-11) 222-
0325 — São Paulo.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КЛИНТОН И ЕВРЕИ

Нам пишут из Нью Йорка:

Еврейская газета «Новое Русское Слово» написала, что ближайшие помощники и советники президента Клинтона «по своим идеологическим пристрастиям находятся слева от центра, а по национальному составу напоминают иногда ленинское политбюро: среди них поразительное количество евреев».

В частности, экономическая программа Клинтона составлена Айрой Магазинером и Робертом Райшем. В студенческие годы Магазинер был левым активистом, а вернувшись из Оксфорда, где он учился вместе с Клинтон, он пытался построить социал-демократическое мини-государство в фабричном городке Броктоме в Массачусетсе. В 1980-х годах, он был одним из авторов социалистической экономической программы штата Род Айленд, которую тамашние избиратели отвергли подавляющим большинством голосов.

Другие экономические советники Клинтона: Дерек Ширер, Роберт Шапиро, Роджер Алтман и Роберт Рубин. Среди внешнеполитических консультантов новоизбранного президента Энтони Лейк, работавший у Киссингера, его подчиненный Сэмьюэль Бергер и советолог Майкл Манделбаум. Другой политический советник Клинтона — Стэн Гринберг.

Представителем предвыборной кампании Клинтона был Мики Кантор, а главным сборщиком пожертвований на нее — Рам Эмануэль, до 18 лет имевший двойное американское и израильское гражданство и считающий себя патриотом Израиля.

Среди экономистов, к которым часто обращался за вдохновением клинтоновский лагерь, были Роберт Солоу, Пол Кругман, Алан Блайндер, Фред Бергстен, Роберт Айзнер и Феликс Рохатин. В прессе главным апологетом Клинтона был обозреватель журнала «Нью рипаблик» Сидней Блументол.

М. НАЗАРОВ ПРОТИВ НТС

Нам пишут из Мюнхена:

В беседе с Владимиром Бондаренко член руководящего круга НТС и член редакционной коллегии солидаристического «Посева» Михаил Назаров заявил, что несогласен с резолюцией Совета НТС в поддержку правительства Ельцина, «ибо оно позволяет Западу столь разрушительное влияние в России».

М. Назаров отметил, что «довоенный НТС был правее. В либеральной демократии тогда видели духовное разложение человечества; искали свой, «русский путь» под знаком святого Вла-

димира, крестителя Руси. Сейчас же НТС превращается в прагматичную демократическую партию, которая выносит за скобки вопрос духовного призвания России. Нынешнее пополнение НТС выросло в СССР и часто не приобщено к русской традиции, не видит общемирового масштаба и нынешнего смутного времени... Вот и снизился духовный потолок организации. Отчасти поэтому я ушел из кадровой системы НТС в 1987 году, после десяти лет работы: стало скучно. Почувствовал, что судьба России решается на историческом, религиозном уровне — без осознания этого политическая деятельность бесплодна».

На вопрос В. Бондаренко «как же вы тогда остаетесь членом организации и членом редколлегии?» М. Назаров ответил: «Все еще перевешивают дружеские связи. Одно дело — политические разногласия, другое дело — когда вместе прожили и проработали столько лет... Но, конечно, мое членство в редколлегии давно стало формальным... Впрочем, даже я свое мнение о происходящем в России сейчас в «Посеве» напечатать не могу. А если взять последние номера — уже и стыдно отождествлять себя с редакцией, которая считает «ценным автором» какую-нибудь Т. Иванову, печатает похвалы книге А. Янова протест русской идеи... Это уже по ту сторону водораздела между силами добра и зла. Видимо пути наши расходятся».

Отвечая на вопрос «возможна ли в России монархия?» Михаил Назаров сказал, что «прежде всего нужно восстановить историческую справедливость в отношении России как субъекта международного права, признать весь эксперимент, проведенный над ней при активнейшем участии Запада, преступным и незаконным. Тогда можно будет точнее подсчитать и наши «долги» Западу за «кредиты», которые «сильные мира сего» давали и дают нашим разрушителям с начала XX века — тогда революционерам и сепаратистам, теперь — их преемникам».

«А что касается восстановления именно монархии, то это вопрос не столько политический, сколько религиозный. Ведь что такое русская монархия? Это не западный абсолютизм: «Государство — это я». У нас монархия была выражением духовно-максималистского понимания истории. Русский царь — это человек, получающий особое церковное посвящение: быть точкой, в которой Божий замысел о мире реализуется в человеческой воле. Царь — слуга Божий, и это служение требует праведности. Не зря один из наиболее правых апологетов царской власти — преподобный Иосиф Волоцкий учил, «неправедный царь — не Божий слуга, но дьявол», и такого царя «не послушаеши» даже под угрозой смерти... Однако это действует лишь при религиозном правосознании народа. Монархия — предельная, максималистская вера в промысел Божий. Все это

возможно только при оцерковлении общества, при восстановлении ведущей роли православной Церкви».

МОНАРХИСТ СОЛОУХИН

Нам пишут из Москвы:

В интервью газете «День» Владимир Солоухин первым делом подчеркнул свое несогласие с тем, что редактируемый А. Прохановым печатный орган зовет под красный флаг: «Я не хочу обратно под красный флаг! Знаю, от чьей крови он сделался красным. Или возьмите звезды из бутылочного стекла на кремлевских башнях. Когда в них загораются электрические лампочки, звезды становятся похожими на клопов, упившихся кровью».

На лживое и лукавое замечание журналиста, что, мол, «ведь на Куликовом поле Дмитрий Донской был с красным флагом», писатель отчеканил: «Это другой флаг — червлёный стяг! Червлёный стяг был княжеский — с изображением Спаса. А это кумач — это цвет революции. Они по сути разные».

О демократии В. А. Солоухин отозвался так: «Еще Гете сказал, что о демократии кричат те, кто собирается ею злоупотребить. «Свобода, равенство, братство» — люди провозгласившие этот лозунг возили головы парижан в телегах, словно арбузы. У Блока читаем: «Под знаком равенства и братства здесь зрели темные дела!» Я же как крестьянин могу нарисовать такую картину. Вот пахарь возвращает ниву. Среди злаков на поле могут оказаться и другие растения, ведь поле открыто всем ветрам. Может быть, сами по себе эти другие растения красивые и в растительном мире равноправные — васильки, ромашки, повилика. Однако на языке агрономии они называются сорняками. Теперь спрашивается: должен ли хозяин нивы создавать равные условия для злаков и сорняков? И кто победит, кто заполнит ниву при равных условиях? Кто в первую очередь будет кричать о равенстве и братстве, то есть о демократии, сорняки или злаки?»

Писатель определил затем монархию как «твердую государственную власть, которая целиком и полностью действует в интересах коренного населения страны».

«И это доказуемо даже теоретически. Монарх — это своего рода символ, объединяющий население и превращающий его из разрозненного люда в единый народ. Приведу пример. На большом корабле с многочисленным экипажем необходим капитан с его полномочной властью. Он не суетится по кораблю, не сует нос в каждую дырку. Возможно, он даже в своей капитанской каюте играет на пианино Рахманинова. Но он есть. И каждый член команды знает, что он есть. И знает, что в ответственный момент он появится на капитанском мостике. И знает, что у него есть

печальная привилегия — последним покинуть гибнущее судно, а то и вовсе уйти с ним под воду. Теперь вообразите, что капитана убила взбунтовавшаяся, не обязательно большая часть команды. И началась борьба за власть. Место капитана занимают то психопат, то горлопан, то балаболка, то маразматик. И все они так или иначе преступники, потому что убили законного капитана и пытаются, вовсе не будучи капитанами, играть его роль. И куда они могут завести прекрасное некогда судно, нам гадать не надо. Пример России красноречив...»

В. А. Солоухин добавил, что «монарх может родиться только в народной душе, но для этого разрозненное, раздерганное, полуйстребленное, полубездуховленное население должно снова сцементироваться и стать народом. Не может быть монарха без народа и не должно быть народа без монарха. Управлять населением могут и президенты, но во главе народа должен стоять монарх».

По мнению писателя монархия должна быть «полномощной, служащей интересам всех верноподданных, но опирающейся на коренное население. Конечно же, она должна быть народной. Монархия в России была несравненно демократичнее, нежели свергнувшие ее большевики или сегодняшняя так называемая демократия. Никто не ущемлял, например, мусульман. Бухарский эмир был полковником русской армии (как и сам царь), чеканил свою монету, имел судебные органы. Сын Грузии Багратион — военный герой России. Царь и народ — это как семья и отец в семье. Власть и полное доверие у этой власти со стороны народа, полное единение с этой властью».

Последовал новый каверзный вопрос журналиста: «А чем, на ваш взгляд, были вызваны различные мятежи и восстания?» На это писатель ответил: «Неурядицы и даже скандалы могут быть в каждой семье, но из этого не следует, что нужно уничтожить семьи как таковые».

Журналист не унимался: «Но каковы в нашей исторически и нравственно неграмотной народной среде пути восстановления монархии?» Ответ Солоухина: «В обретении грамотности. Нужно будить в населении национальное самосознание, чтобы люди снова обрели ранг народа. Этот процесс идет... Теперь причислена к лику святых за ее алапаевское великоумничество Великая Княгиня Елизавета Федоровна — сестра императрицы, прославлена вся Царская Семья русской православной Церковью за рубежом, портреты Государя и наследника то и дело можно увидеть в прессе, идет на экраны замечательный фильм Говорухина «Россия, которую мы потеряли», идея монархии начинает доходить до умов и сердец людей. В недавно еще коммунистической марксистско-ленинской Болгарии 40 % населения проголосовали за монархию, за царя».